

БЫЛА ЛИ КАТЕГОРИЯ ВИДА
В ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ?

С. А. Шубик (Санкт-Петербург)

Яркой особенностью глагольного словообразования в древневерхненемецком языке является широкое функционирование неотделяемого префикса *gi-* (*ge-*) в сочетаниях с финитными формами глагола и с инфинитивом. Уже с конца древневерхненемецкого периода подобное употребление этого префикса идет на убыль, а в XVI веке он вообще становится непродуктивным [Leiss 1992: 70]. В современном немецком языке сохранилось около сорока глаголов с префиксом *ge-*, причем в большинстве случаев исходные глаголы либо вообще исчезли, либо утратили с ними семантические связи.

В древневерхненемецком языке префикс *gi-* привносил в семантику глагола значение перфективности (или, иначе, целостности, комплексивности). В этом легко убедиться, сопоставив, например, такие предложения, как (1) и (2), (3) и (4):

(1) *Dhuo ir himilo garauui frumida*, dhar uuas ih [Is. 91–92] (Quando **praeparabat** celos, aderam) ‘Когда он создавал оснащение небес, я был там’;

(2) *Endi got chiscuof mannan*, anachiliihhan endi chiliihhan gote **chifrumida** dhen [Is. 180–181] (Et **creauit** deus hominem, ad imaginem et similitudinem dei **creauit** illum) ‘И бог создал человека, по образу и подобию бога создал его’;

(3) *inti al thiu menigi stuont* in themo stedu [Tat. 70, 2] (et omnis turba **stabat** in littore) ‘и весь народ стоял на берегу’;

(4) *Quam thara gotes engil inti gistuont* nah in [Tat. 6, 1] (Et ecce angelus domini **stetit** iuxta illos) ‘Явился туда ангел бога и остановился около них’.

В примерах (1) и (3) простые глаголы в формах претерита передают прошедшие действия в процессе их осуществления (в латинском оригинале им соответствуют формы имперфекта), в примерах (2) и (4), напротив, те же глаголы в тех же формах, но снабженные префиксом *gi-* (*chi-*), обозначают соответствующие действия в их целостности (в латинском оригинале их место занимают формы перфекта)¹.

Свойственная глаголам с *gi-* семантика перфективности препятствовала их употреблению в функции настоящего актуального². Презентно-

¹ Форма *chiscuof* в примере (2) по структуре и семантике тождественна форме *chifrumida*; так же как и последняя, она переводит латинский перфект *creauit*.

² Аналогичным образом в славянских языках с функцией настоящего актуального несовершенным, как правило, совершенный вид именно потому, что он обладает значением перфективности (целостности). Исключения из правила на материале русского языка тонко проанализированы в работе [Бондарко 1990: 32–39].

футуральная форма³ этих глаголов в обычных контекстуальных условиях получала значение будущего времени единичного или — гораздо реже — повторяющегося действия:

(5) Endi ih inan **chistiftu** in minemo dome endi in minemu riithe untazs in eouuesandem euun [Is. 629–630] (Et **statuam** eum in domo mea et in regno meo usque in sempiternum) ‘И я его поставлю в доме моем и в царстве моем на веки вечные’;

(6) Salige sint, thie thar sint subere in herzon, uuanta thie **gisehent** got [Tat. 22, 13] (Beati mundo corde, quoniam ipsi deum **videbunt**) ‘Блаженны те, кто чист сердцем, ибо они увидят бога’.

В функции настоящего актуального презентно-футуральная форма с *gi-* встречается крайне редко; здесь возможны лишь отдельные глаголы в особых условиях контекста. Например:

(7) wela **gisihu** ih in dinem hrustim,
dat du habes heme herron goten [Hild. 46–47]
‘по твоим доспехам я хорошо вижу (= понимаю),
что у тебя на родине могучий господин’;

(8) Inti giuuant ci themo uuibo quad: Simon, **gisihistu** thiz uiib? [Tat. 138, 11] (Et conversus ad mulierem dixit: Simon, **vides** hanc mulierem?) ‘И повернувшись к женщине, он сказал: «Симон, ты видишь эту женщину?»’.

В примере (7) форма *gisihu* представляет собой настоящее результативное: она обозначает состояние (*вижу, понимаю*) как результат уже совершившегося процесса (*понял*). В примере (8) вопросительное предложение используется в качестве смягченного побуждения — просьбы, совета. Префикс *gi-*, который очень часто присоединяется к формам императива [Dahm 1909: 23], служит в данном случае средством актуализации побудительной семантики.

Семантико-синтаксические условия употребления глаголов с *gi-* в плане настоящего неактуального менее ограничены, нежели в функции настоящего актуального. Настоящее неактуальное обозначает чаще всего неограниченно-кратные действия, подчеркивая целостность и результативность каждого акта повторения. Например:

(9) Philippus, therde mih **gisihit gisihit** then fater [Tat. 163, 3] (Philippe, qui **vidit** me **vidit** et patrem) ‘Филипп! Кто видит меня, видит отца’.

Настоящее неактуальное используется также для обозначения возможности (невозможности) осуществления действия. Например:

(10) Iuueru ougun saligu, in thiu siu **gisehent**, inti iuueru orun, bithiu siu **gi-horent** [Tat. 74, 7] (Vestri autem oculi beati quia **vident**, et aures vestrae quia **audiunt**) ‘Счастливы глаза ваши, потому что видят (= могут видеть), и уши ваши, потому что слышат (= могут слышать)’.

³ Презентно-футуральная форма глагола в исторических грамматиках немецкого языка именуется обычно формой презенса (презентной формой). О предпочтительности принятого нами термина см. [Шубик 2000: 92–96].

Исходя из особенностей семантики и функционирования глаголов с *gi-*, многие ученые считают, что в древневерхненемецком языке существовала грамматическая категория вида, аналогичная в той или иной мере категории вида славянских языков (см., например, [Dahm 1909: 9–11; Senn 1949: 406–408; Рябова 1955: 55–56; Федербуш 1960: 62–65; Winge 1980: 322–327; Leiss 1992: 68–71; Котин 1995: 36–40]). Такая точка зрения, однако, лишена достаточных оснований. Семантика перфективности имела в древневерхненемецком периоде словообразовательный характер, о чем свидетельствуют следующие факты:

1. Употребление префикса *gi-* было нерегулярным и избирательным. Очень часто (по всей вероятности, в большинстве случаев) перфективная семантика создавалась взаимодействием значений простого глагола и элементов окружающего его контекста. Ср., например, предложения (11) и (12):

(11) See endi mih **deda** got so selp so dhih [Is. 244] (Ecce et me sicut et te **fecit** deus) ‘Вот и меня создал бог, точно так же как и тебя’.

(12) See endi mih **chideda** got so selp so dhih [Is. 246–247] (Ecce et me sicut et te **fecit** deus) ‘Вот и меня создал бог, точно так же как и тебя’.

Как видим, латинский перфект *fecit* в совершенно одинаковых предложениях сначала передан простым глаголом, а затем (очевидно, ради стилистического варьирования) — глаголом с *gi-* (*chi-*).

2. Придавая простому глаголу семантику перфективности, префикс *gi-* всегда (или почти всегда) изменял его лексическое значение и в других отношениях. Чаще всего производный глагол отличался от исходного способом действия, например: *sizzen* ‘сидеть’ – *gisizzen* ‘сесть’, *hōgen* ‘слышать’ – *gihōgen* ‘услышать’, *fāhan* ‘ловить’ – *gifāhan* ‘поймать’ (ср. [Смирницкая 1966: 12–13]). Нередко наблюдаются и более значительные различия: *sougen* ‘кормить (грудью)’ – *chisaugan* (= *gisougen*) ‘отучить (ребенка) от груди’⁴, *stān* ‘стоять’ – *gistān* ‘начать’, *fallan* ‘падать’ – *gifallan* ‘попасть куда-либо, оказаться где-либо’ и др.

Во многих случаях употребление префикса *gi-* было обусловлено прагматическими задачами — обратить внимание на необыкновенный, удивительный, чудесный характер события. Сопоставим ряд высказываний, в которых в одном и том же аспектуально-темпоральном значении функционирует то простой глагол, то его префиксальный коррелят:

(13) Quam ther heilant inti **stuont** in mittimen sinero iungorono [Tat. 230, 2] (Venit Ihesus et **stetit** in medio discipulorum suorum) ‘Пришел Спаситель и остановился среди своих учеников’.

(14) Quam thara gotes engil inti **gistuont** nah in inti gotes berahtnessi bischein sie [Tat. 6, 1] (Et ecce angelus domini **stetit** iuxta illos, et claritas dei circumfulsit illos) ‘Явился туда аггел бога и остановился около них [пастухов], и сияние бога озарило их’;

⁴ Глагол *chisaugan* зафиксирован только в «Исидоре» [Schützeichel 1989: 237].

(15) *ir quedet thaz er blint giboran uvari ? vvuo **sihit** her thanne nu?* [Tat. 132, 11] (*vos dicitis quia caecus natus est? quomodo ergo nunc **videt**?*) ‘вы говорите, что он был рожден слепым? Как же он видит (= может видеть) сейчас?’;

(16) *mit diu blint uuas, nu **gisihu*** [Tat. 132, 15] (*coecus cum essem modo **video***) ‘хотя я был слеп, сейчас вижу (= могу видеть)’;

(17) *inti thin quena Elysabeth gibirit thir sun, inti **nemnis** thu sinan namon Iohannem* [Tat. 2, 5] (*et uxor tua Elysabeth pariet tibi filium, et **vocabis** nomen eius Iohannem*) ‘и жена твоя Елизавета родит тебе сына, и ты назовешь его Иоанном’.

(18) *Siu gibirit sun, inti thu **ginemnis** sinan namon Heilant* [Tat. 5, 8] (*Pariet autem filium, et **vocabis** nomen eius Jhesum*) ‘Она родит сына, и ты назовешь его Иисусом’.

В примере (13) описана характерная сцена из жизни учителя, наставника; латинский перфект *stetit* переведен простым глаголом *stuont*. В примере (14), напротив, изображается событие небывалое, неслыханное — здесь тот же латинский перфект *stetit* передан при помощи префиксального глагола *gistuont*.

В предложениях (15) и (16) и простой, и префиксальный глаголы выступают в значении настоящего потенциального (в латинском тексте в обоих случаях стоит форма настоящего времени от глагола *video*). Однако, если в предложении (15) речь идет о способности человека видеть как его естественной способности, то в предложении (16) эта способность представлена как чудо: человек был слепым от рождения, но прозрел в результате проявления божественной силы.

В примерах (17) и (18) в одинаковых по существу контекстах будущее время выражено соответственно формами *nemnis* и *ginemnis*. Как средство выражения будущности префикс *gi-* в примере (18) совершенно не нужен, ибо футуральный смысл в данном случае, так же как в примере (17), однозначно вытекает из содержания предыдущего предложения. Префиксальная форма должна подчеркнуть особую значимость события — ведь здесь предсказывается имя Иисуса Христа, сына бога.

Подведем итоги. Результаты анализа древневерхненемецких глаголов с префиксом *gi-* (*ge-*) позволяют утверждать, что они представляли собой не грамматическую категорию вида, а словообразовательную конструкцию, которая, однако, служила не только целям словообразования, но также целям грамматики и прагматики.

Источники

Hild. — Der Hildebrandslied // Braune W. (Hg.) Althochdeutschen Lesebuch. 14. Aufl. Bearb. von E. A. Ebbinghaus. Tübingen, 1962.

Is. — Der althochdeutsche Isidor / Hsg. von H. Eggers. Tübingen, 1964.

Tat. — Tatian / Hg. von E. Sievers. Paderborn, 1872.

Литература

Бондарко А. В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Котин М. Л. О роли акциональных значений в формировании немецкой глагольной парадигмы // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1995. Т. 54. № 4.

Рябова Г. М. Соотношение категорий вида и времени в процессе их развития в немецком языке (На материале прошедших времен глагола) // Уч. зап. 1-го Ленингр. пед. ин-та иностр. языков. 1955. Новая серия. Вып. 2.

Смирницкая С. В. Функциональное развитие префикса ge- в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966.

Федербуш Д. А. О некоторых особенностях возникновения относительно временных форм (на материале немецкого и латинского языков) // Уч. зап. Горьковского ин-та иностр. языков. 1960. Вып. XV.

Шубик С. А. Категория времени в немецких текстах древнейшей поры // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000.

Dahm K. Der Gebrauch von gi- zur Unterscheidung perfektiver und imperfektiver Aktionsart im Tatian und in Notkers Boethius. Diss. Borna; Leipzig, 1909.

Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen: Ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin; New York, 1992.

Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. 4. Aufl. Tübingen, 1989.

Senn A. Verbal Aspects in Germanic, Slavic and Baltic // Language. 1949. Vol. 24. № 4.

Winge V. Versuch einer Ergänzung zur althochdeutschen Grammatik // Kopenhagener Beiträge zur Germanistischen Linguistik. 1980. Sonderband 1.

Напечатано в книге:

Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко / Отв. ред. С. А. Шубик. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. — С. 126—130.